

Он сидел за столом, перебирал купленные абрикосы и, конечно, тихо ворчал под нос. Жаловаться некому, жил один. Третью часть тут же забраковал. Измялись в авоське, пока шлёпал до дому, переспевшие, потекли.

— Напрасно ворчишь,— услышал старик знакомый скрипучий голос домового.— Сам же говорил: кто-то всегда виноват, но не ты сам.

— Иди ты в угол,— откликнулся старик.— Мало ли что я изрекал. В данном случае что, я виноват?

— А кто же? Сам выбирал, не власть же, не правители. Благодарю, что всего полно в магазинах. Научись хозяйской хватке. Вот и не будешь выбрасывать на ветер свои кровные.

— Ерунда. Всё есть, а каково качество? Боязно в таком возрасте брать товар со всякими наполнителями, красителями, обработанный для лёжки. Помню, в детстве те же абрикосы на базарных полках лежали один к одному. В магазинах такого товару днём с огнём не найдёшь.

— Но ты же только облизывался, лупая голодными глазами. Да шнырил, где бы косточку абрикосовую поднять.

Старик откинулся на спинку кресла, и память унесла его в детство. Странно, теперь оно ему казалось до обидного коротким и где-то горьким. «Те же косточки абрикоса, ядрышки считались тогда изысканным лакомством. Была, конечно, ягода — кислица, клубника, чёрная смородина, иногда малина. Собирали, ели, и мама готовила варенье на зиму. Всё это помнится как-то мимолётно. Может, потому, что была эта ягода в целом доступна. Хотя пилить пешим ходом до неё приходилось многие километры, собирать под палящим солнцем. На лугах сенокосных, где клубника рясная да крупная, прятались

от объездчиков, которые неожиданно выныривали как из-под земли и гнали на лошади с лука. Иные отбирали собранное, да вдобавок плёткой вдоль спины. Не захочешь обильной ягоды! А косточки абрикоса ближе — на базаре, доступнее. Правда, в драку с мальчишками. Часто иные продавцы и покупатели, объев мякоть, нарочно отшвыривали косточку подальше, чтобы мы летели наперегонки за ней, и кто ловчее — схватывал. Потом, набрав горсть, я бежал домой, садился в тени клёна, клал косточку на кирпич и колот стальной битой, что играли в чику. Зёрнышко было слегка влажное, лучше подсохшее — и сладкое. Экзотический вкус. Мы тогда этого слова не знали, просто хвастались, что отведали южных фруктов».

Да, сейчас изобилие в магазинах, которых натыркано один возле другого. Но не диетическое оно, изобилие. Старик пробовал брать полуфабрикаты. Пришёл, сварил, сел за стол. Ан нет. Острое, не годится...

Старик решил подавленные абрикосы всё же использовать, очистить от косточек и сварить компот, а то и варенье. Он прекрасно помнит, какой аромат струился от варенья, приготовленного из ранеток его женой. Загорелся. Вот нелёгкая, а как же готовить? Знал, что сначала варят сироп из сахара в огромной посудине, потом в кипящий сироп кладут фрукты. Видел, но не вникал во все пропорции. Зачем, коль есть жена? Он — работяга. Растолкует, как цементные растворы делать, как дома рубить, как машины-моторы ладить, хлеб сеять, растить и убирать. Уху на берегу и чай такой сварганит — пальчики оближешь! Да много чего другого познал в своей жизни. А вот с кухонными делами не в ладу. Сунулся в книгу за рецептом — там на килограммы они рассчитаны, и шрифт мелкий. Очки надо. Пошёл за очками. Да где же они завалялись? Чёртушка, отдай! Пересмотрел два стола, полки книжные — нет очков, как в воду канули. Эх-хе-хе! Совсем никудышный на дела поварские. Осерчал, плюнул, выбросил в ведро для отходов мятые абрикосы.

— В кармане рубахи очки у тебя сидят, а иногда на лбу — почти классика,— проворчал насмешник из угла.

— Точно! Не буду же теперь из ведра абрикосы выживать? Помнишь, как я просил помощь в социальном отделе? Отказали. Говорят, не положено варенья-соленья готовить пенсионерам, у кого дети есть. «Есть у меня дети,—

говоря, — а у детей тоже дети и забот полон рот, не до нас, стариков. Им в этом хватком мире капитала зарабатывать на жизнь надо день и ночь. Да и здоровье не первой свежести».

— Знаю твои проблемы, — гудит насмешник из угла. — И закон ты читал: положен уход одиноко проживающим пенсионерам, тем более инвалиду, как ты, хоть и дети есть. В квартире убрать, в магазин за продуктами сходить, но не варить и не кормить! Что называется, с ложечки.

— Я не прошу с ложечки. Пока ноги двигаются, сам по магазинам хожу. Это ж необходимая процедура. Сядешь или ляжешь — встать будет нелегко. Хотя не мешало бы голову правителям поломать над тем, как этот социальный институт ближе к нуждам людским придвинуть.

— Не много ли хочешь? — проскрипело в углу. — Раскошешься и прикупи услугу.

— На нашу-то пенсию?! Ты что, забыл мой стих про пенсию, куда она мигом разлетается?!

— Не забыл: «Пенсию вручили — чуть не половину сразу отдаю в оплату я за ЖКУ. Скорым шагом, как и пододбает, я в аптеку треть её несу!»

— Помнишь! А тяжесть магазинов разве я дожду? Я всё же живой человек, кроме пищи, мне и за телефон, и за Интернет надо платить, и на мыло-шило тоже немало уходит. А на «жигу» сколько трачу, на бензин, чтобы на рыбалку или по грибы сбегать, к сыну в город скатать?! Так что пенсия — в обрез.

— Больно разнылся ты. Я считал, нормально укладываешься.

— Ты считал! Год назад концы сводил, нынче — дудки! Я думал, что ты мой сторонник, а ты — пятая колонна. Я бы вместо абрикоса персик съел, а вместо хека нерку или карпа стоговил, паюсной икорки с маслицем на кусочек...

— Покажи-ка губу мне свою.

— Зачем?

— Ты покажи, я отвечу.

— Ну, вот она, вывернул даже.

— Да-а, губа-то у тебя не дура на паюсную икорку...

— Что, не заслужил? — старик отвернулся, вытирая кулаком досадную слезу.